

Михаил Руушан

**Новая
Мозаика**

Михаил Руушан
Новая мозаика

«Литературная Республика»

2017

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Руушан М.

Новая мозаика / М. Руушан — «Литературная Республика», 2017

ISBN 978-5-7949-0606-6

Михаил Руушан – московский поэт. Родился в Москве в 1949 году. По образованию инженер. Много ездил по Советскому Союзу. Писать стихи начал ещё в техникуме. Первая публикация в 1967 году. Лауреат ряда литературных конкурсов. Имеет общественные награды. В своём творчестве – патриот-романтик, во многом ироничен. «Новая мозаика» – его 4-й сборник стихов.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-7949-0606-6

© Руушан М., 2017
© Литературная Республика, 2017

Содержание

Предисловие	6
То, что помню	7
Московский дворик	7
Былое	9
Сельпо	10
Листья жгут	11
Страна детства	12
Коммуналка	13
Гроза	14
Записная книжка	15
Рынок	16
Баллада о российском чае	17
«Мама, редко тебе я пишу...»	19
Друг отца	20
Отче наш	21
Благовещение	21
Размышления	22
Рыбаки	23
Исповедь	24
Монолог старого актёра	25
Рождество	26
Блудный сын	28
Храм	31
«Отец-ветеран не дожил до весны...»	32
Так бывает...	33
Прошлое – далёкое и близкое	34
Прометей	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Михаил Руушан

Новая мозаика

© Руушан М., 2017

© Московская городская организация Союза писателей России, 2017

© НП «Литературная Республика», 2017

Предисловие

Дорогой читатель, мы вновь встречаемся на страницах моего четвёртого сборника стихов – «Новая мозаика». Почему «Новая»? Потому, что в эту книгу, кроме предыдущей «Мозаики», вошло больше половины новых стихотворений. Почему «мозаика»? Потому что в этой книге много составных частей, разных по теме. Из них основные – это Вера и воспоминания о прошлом. Вера – основа всего, а без прошлого нет будущего.

Прошлое со временем видоизменяется в нашем сознании. Правильно сказал великий поэт: «Что пройдёт, то будет мило». Милым становится многое обыденное, чего раньше не замечали. Большое место в сборнике уделено современным взглядам и позициям. После возрождения Бессмертного полка национальной идеей может быть только патриотизм. Ну и, конечно, в сборнике нашлось место и любви, и картинам природы. Я не буду перечислять все темы. Прочитаете сами.

Для каждого литератора написанная им книга – ребёнок, которого он вводит в большой мир. Я надеюсь, что сборнику предстоит долгая жизнь.

Я благодарю всех, кто помогал мне, участвовал в создании этой книги: Бориса Катковского, Елену Попову, Анну Гехт, мою дочь Светлану Фомичёву.

Я не всё сказал в предисловии, что хотел. Остальное договорят мои стихи. Надеюсь, что они Вам понравятся.

Михаил Руушан, 2017 г.

То, что помню

Московский дворик

Я помню двор на Живарёвке¹ —
У бабушки тогда гостил.
Бельё там сохло на верёвках;
Вот край, что до сих пор мне мил.

А жизнь двора неповторима —
То шум детей, то чей-то плач.
Гармонь смеётся чуть визгливо,
Над «красным уголком»² – кумач.

Там был татарин – строгий дворник,
А управдомом был еврей,
Озеленения поборник
И не любивший голубей.

Но голубятни две стояли
За гаражами у стены.
Туда детишек не пускали —
Боялись мамочки шпаны.

В два пальца свист – и стая в небо,
Где солнце выше голубей.
И это счастье, пусть нелепо, —
Для взрослых, но не для детей.

Там по утрам зывал старьёвщик:
«Старьё берём! Старьё берём!», —
Потом включиться мог стекольщик,
За ним точильщик – только днём.

Торговец приносил изыски:
«Уди-уди», ещё «язык»,
Пугач, свисток был в этом списке —
Всё, чтобы стать счастливым вмиг.

Турник стоял, как символ мощи,
А «Пионер» – салютовал.
Был участковый стали жёстче

¹ Живарёвка – Живарёв переулок.

² Красный уголок – помещение для общественных мероприятий.

В те дни, когда не выпивал.

Там карусель ещё крутилась,
Песочница для малышей.
И детство с отрочеством слились,
Растя «дворян» из чиграшей.

А бабушка горбушку хлеба
Мне разрешала брать во двор.
Над ним всегда такое небо...
И ангелов хрустальный хор.

2015 г.

Былое

Мать брала меня за руку, —
И мы шли с ней в магазин.
Это скука – просто мука:
Очередь – и я один.

Вам «дадут» с ребёнком больше —
Где яиц, а где муки.
Не могу стоять я дольше:
– Мам, «морожена» купи.

Очередь то затихает,
То, как улей, загудит.
Справедливо не прощает,
Иль нахмурившись молчит.

Очередь порой вскипает:
– Ещё галстук нацепил!
Всё она про всех тут знает:
– Ишь ты, «зенки» как залил!

Мы идём домой с «добычей»,
И о том заходит речь:
Хорошо, что есть обычай —
Пирог в субботу печь.

И с капустой, и ватрушки;
Всех соседей угостят.
Ссорятся порой друг с дружкой,
Но приходит мир и лад.

Вечером – с отцом мы в баню,
Разгоняет баня кровь.
Мама, взяв сестрёнку Таню,
«Едет в душ», их ждёт свекровь.

Жили, в общем, небогато,
Но не стыдно вспоминать.
Не скопили денег, злата —
И не страшно их терять.

2016 г.

Сельпо

Я помню сельский магазин.
Он для меня бутиков краше.
Там всё такое очень наше,
А продавщица – «тётя Зин».

Резиной пахло от сапог;
Всё на одной лежало полке:
Таз, сахар, джем, портвейн, заколки...
И кой-кому давали в долг.

Две кепки, байковый халат,
Вот пряники времён Никиты,
Что даже мухами забыты,
И водка – справа, нижний ряд.

Но это главный был товар,
Как золотой запас, валюта.
Хранился Зиной дома круто;
То власть, уверенность, навар.

Сей магазин был клубом встреч,
Где центр секретов, слухов, сплетен.
Там каждый человек заметен,
Увы, молвы вам не избечь.

Всё это так знакомо мне.
Люд брал там хлеб, и брали много.
По-вашему, так жить убого,
Но были счастливы вполне.

2016 г.

Листья жгут

Мне грустно, когда листья жгут,
Осенние сухие листья.
Они уже покрыли пруд;
Рябины обнажили кисти.

Дымок от листьев горьковат,
О чём-то мне напоминает.
Вновь возвращаюсь я назад
И вижу: школьник там шагает...

Он в гимнастёрке под ремень,
Портфель, в букете – георгины,
Учился средне (было лень)
И в месяц раз болел ангиной.

А дальше – техникум; студент,
На танцах подпирал он стену.
Мог выступать как оппонент,
Но для девчонок был не в тему.

Потом – работа, институт,
Несутся годы, как шальные,
Вот мамы нет, вот внуки тут,
А головы друзей – седые.

Всё было... Было и прошло...
Как много листьев облетело...
Всё так же от костра тепло,
И солнце за пригорок село.

2015 г.

Страна детства

Я помню Пироговку с детства:
Там монастырь, а рядом пруд.
Всё это передам в наследство
И не сочту за тяжкий труд.

Мы ночью проверяли храбрость
На кладбище в монастыре.
Кто сомневался – это наглость, —
С тем разбирались во дворе.

Пруд монастырский обитаем —
Там жили пара лебедей.
Все о любви такой мечтаем,
Но редкость это средь людей.

Мы этих лебедей кормили,
Их перья гладили порой.
Но люди одного убили,
И улетел потом второй.

Мы знали тайный ход на стену,
Как со стены попасть в музей³.
Нам «море было по колено»,
Коль в окружении друзей.

Я помню, в церковь заходили,
Там в полумраке образа.
Мне кажется, о нас судили
И нас ругали за глаза.

Но, слышны звуки песнопений, —
Под небом детства – купола, —
Мой Ангел, мой хранитель-гений,
За всё звучит тебе хвала!

2016 г.

³ Новодевичий монастырь являлся и филиалом исторического музея.

Коммуналка

Помню нашу коммуналку:
Ряд звонков на двери.
Мне её немного жалко,
«Красной книги зверя».

Вдоль стены по коридору
Вешали корыта.
Лоб разбить чужому впору,
Если дверь закрыта.

Кухня – это центр квартиры,
Точка всех схождения.
Здесь начало «войн и мира»,
«Тесных отношений».

Тут готовят и стирают,
И ведут беседы.
Многое о многих знают —
Радости и беды.

Коль пекут – то угощают
В праздник пирогами.
Детям здесь не запрещают
Бегать под ногами.

В день субботний – семьи в баню,
С веником и шайкой⁴.
«Тёти Лизы», «дяди Вани» —
Нет их больше – жалко.

Возле счётчика – жировки⁵,
График по уборке.
Радио – с утра речёвки
«Пионерской зорьки»⁶.

Так вот жили – не тужили,
Пили чай с вареньем.
В сорок первом уходили
Деда в ополчение...

2016 г.

⁴ Шайка – таз с двумя ручками.

⁵ Жировки (устар.) – квитанции по оплате коммунальных услуг.

⁶ «Пионерская зорька» – детская утренняя передача по радио.

Гроза

С бабушкой собрались по грибы
На то поле, где пасли коров.
Взяли мы корзинки и воды
И пошли вдоль дачек и садов.

Бабушка «печерками» звала
Те грибы среди коровьих куч.
Нам собрать погода их дала,
Только дождик сыпанул из туч.

Молнии сверкали там и тут,
Гром гремел у нас над головой.
Страшно в поле – словно Божий суд;
Я ревел, закрыв глаза рукой.

Бабушка меня приобняла
И молитву начала шептать.
Испугалась – словно мел бела,
Но раскаты начали стихать.

Мокрые вернулись мы домой.
Чай вприкуску пили целый час.
До сих пор я помню страх тот мой.
Вскоре бабушка «ушла» от нас.

А «печерки» – вкусные грибы,
В магазинах их сейчас полно.
Шампиньоны – лучше нет еды.
Покупаю их уже давно...

2016 г.

Записная книжка

Книга – книжка записная,
Ты утерянной считалась.
Очень старая, родная,
Вдруг взяла и отыскалась.

В ней все живы, кого нету,
Кто уехал – все на месте.
Не разъехались по свету,
Всё по-прежнему, мы вместе.

Только вот какая «фишка», —
Много кануло, как в Лете.
Друг предал не понаслышке,
Та за чувства не в ответе.

Спрятал вновь я эту книжку.
Что-то грустно мне сегодня.
Может, выпил вчера лишку,
То ли жизнь – слепая сводня.

2016 г.

РЫНОК

Я так люблю бывать на рынке —
Весы, прилавки, гул толпы.
Здесь знают роли без запинки.
Тут зарождение молвы.

Гранат с рубиновой слезою
И виноград – сама краса.
Творог, подёрнутый росой,
Над мёдом сотовым оса.

У всех картошка «Синеглазка»
(Да только нет такой давно),
А груша «Бера» – это сказка,
Хурма, чурчелла, как в кино.

Там карпы бьются о прилавок,
Сом весь в раздумье – он грустит.
Там продавцы ждут ваших «ставок»,
Коль в кошельках слегка хрустит.

В мясном ряду – мясные туши.
Свиные головы царят.
Чревоугодьё застит души
При виде курочек, цыплят.

Вот старушонка меж рядами,
С ней сумка на два колеса.
Спешит в погоне за дарами,
Из-под платка глядят глаза.

Ей кто-то яблочко протянет,
Бананы, что похуже, даст.
Глядишь – и обрезки добавит.
Бог «благодетелям» воздаст...

2016 г.

Баллада о российском чае

Чай нам дал Романов первый,
И прижился он в Москве.
Был в начале как целебный,
Стал потом своим вполне.

Чай в России – бренд, как водка
Под солёненький груздок.
Пьют чаёк старик, молодка.
Пьют от жажды, пьют и впрок.

Пьют по-разному: с усладой,
Крепкий, терпкий, листовой.
Может быть он и наградой —
Дарит бодрость и покой.

Пишутся о нём картины.
Кисть Перова – на века.
На Мясницкой магазины,
И вода – Москва-река.

Самовар, труба и шишки,
Да ещё один сапог.
Бабы, купчики, мальчишки,
Сахар, сушки на зубок.

Пот стирая полотенцем,
Чашку вниз перевернут;
Сахар, «колотый всем сердцем»,
С ней остаток возвернут.

Есть и щипчики под сахар,
Для заварки чайник есть.
И купец, рабочий, пахарь
Отдают варенью честь.

Кто медка в чаёк добавит
Иль мелисного листа,
Кто душицею разбавит,
Мяты кто сорвёт с куста.

Чай «вприкуску», чай «внакладку»,
Чай с вареньем или без...
Мы – с вокзала на посадку.
Вдаль уносится экспресс.

И звенит в стакане ложка,
Подстаканник на столе.
Пахнет чай дымком немножко.
Мы – попутчики вполне.

Многие так любят сливки,
Чтобы к чаю поднесли.
А на зоне чай – опивки,
Там чифирчик припасли.

Но всему конец приходит:
Крах «империи», развал.
Чай в пакетах в чашках бродит,
Он взошёл на пьедестал.

Есть в народе поговорка,
Вот она о чём гласит:
Чай российский – он не водка,
Много выпить не грозит.

2015 г.

«Мама, редко тебе я пишу...»

Мама, редко тебе я пишу,
Не ложатся стихи на бумагу.
Оправданий себе я ищу —
Сочинить можно целую сагу.

Ты меня окрестила тайком,
Ты духовность мою заложила.
Я молюсь за тебя – в горле ком,
Надо чаще бывать на могиле.

Это ты приоткрыла мне даль:
Парусов белокрылых скопление.
Ты поведала мне про Грааль,
Улыбалась моим увлечениям.

И мой первый, мой детский стишок
Был воспринят под возгласы «Браво!»,
Но презрение вызвал я, шок,
Когда с другом напился «до хлама».

Твои комплексы я приобрёл,
Твои взгляды, твои же смятения —
В результате, увы, не «орёл» —
«К самоедству» вдобавок сомненья.

И за всё тебе, мама, поклон.
Что ещё мне сказать – я не знаю.
Вновь весны наступает полон.
Соберу тебе ландыши в мае.

2016 г.

Друг отца

Слёз я не помню у отца,
Он боль в себе хранил.
Лишь раз один слезу с лица,
Я видел, уронил.

Был у него комбатом друг,
Тот удержу не знал.
Отец был зам. и политрук,
С ним разное видал.

Он «Абакумыч» друга звал
И так ругал, любя.
Отец мой в госпиталь попал,
Друг не сберёг себя.

Во всех рассказах о войне
Я вижу их с отцом.
Мне стал комбат родным вдвойне,
Как батя мой – бойцом.

Слёз я не помню у отца,
Он боль в себе хранил.
Лишь раз один слезу с лица
О друге уронил.

2015 г.

Отче наш

Благовещение

Птицы в небо улетают стаей белой
К Той, кого мы называем Приснодевой.

Их на волю отпускать нам завещано,
В этот день такой святой – Благовещение.

К Ней, заступнице нашей, страдальце...
Кто ещё за всех нас так печалится?

От Неё начиналось спасение,
Бога – сына Её – Воскресение.

Невечерний Свет, Осияние...
К Ней идём, несём покаяние.

Только сердцем порой каменеем,
Не умеем мы беречь, что имеем.

Голубь белый парит над Пречистой.
Сколь любви в Её взгляде лучистом!

2016 г.

Размышления

1

Вот приходит час сострадания —
Я ищу везде понимания.
Наступает вдруг состояние,
Словно нет веков расстояния.

Как Исаак – готов на заклание, —
А душа полна покаяния.
Но никак не готов к убиению,
Не Авраам – коли есть сомнения.

2

Кровь, случается, вмиг закипает,
Разум мой пелена застилает!
За себя не готов дать ответ,
Видно, с Богом тогда связи нет.

Только может быть ярость и с плюсом,
Губ до крови пронзённых прикусом.
Если враг поглумился над близким —
Мечь не кажется мне чем-то низким.

Правит в мире закон исключений,
Всюду линии бурных течений.
Сотен тысяч писателей повесть,
И корректор у каждого – совесть.

2015 г.

Рыбаки

Андрей и Симон – в лодке,
Вот-вот забросят сеть.
Першит с устатку в глотке,
Сжигает солнца медь.
Не ловится! Не ловится!
Чем семьи накормить?
Не ведают о Троице,
Не знают, как просить.
Кто им подскажет это?
Но чу! Вот Он грядёт.
А с ним Господне Лето
И ангелов полёт.
«Ещё забросьте сети», —
И лодка до краёв.
«С собой зову вас, дети,
Там ждёт другой улов...
Душ «человеков» грешных
Вы будете ловцы».
Без лишних слов поспешных
Причалили гребцы.

2014 г.

Исповедь

Где уж помнить все грехи,
Как всё скажешь иерею?
Фразы очень нележки,
Я волнуюсь, цепенею.

Весь в грехах – осознаю.
Мной священник недоволен.
Словно пень сухой стою.
Я давно морально болен.

А раскаяния нет.
Прячу я лицо под «маской».
Для других в туннеле свет,
Я смотрю на мир с опаской.

Только вдруг слеза сползла —
И прошу у всех прощенья.
Сколько понаделал зла,
Сколько вызвал отвращенья.

Да, хранитель – Ангел мой —
Не оставил меня всё же.
Покаяние, покой
Я обрёл в себе, мой Боже.

2015 г.

Монолог старого актёра

Почему так пусто?
Чувствую тревогу.
Дождь со снегом – грустно.
Помолюсь я Богу.

Пусть велит дать занавес
Без предупрежденья.
Душу заморочил бес
Тяжким самомненьем.

Я мечтал о принце
И о роли Лира,
Но в руках синица,
Монолог мой: «Вира!»

Я ещё играю;
Реквизит не продан.
Роль свою я знаю:
«Ужин, сударь, подан».

Бог не Станиславский —
Верит и лелеет.
С лиц снимает маски,
Может, пожалеет.

Или поругает
По-отцовски строго —
Он про то лишь знает,
Но пройдёт тревога...

2015 г.

Рождество

Путь далёк. Мария, с ней Иосиф.
Перепись объявлена в стране.
Всё хозяйство в Назарете бросив,
Держат путь в безлюдной стороне.

Вот добрались, город Вифлеем,
Только негде голову склонить —
Место для ночлега нужно всем,
А Мария вот должна родить.

Старец заметался – кровя нет,
Страшен за Марию Бога гнев.
Праведнику восемьдесят лет,
Но нашёл пещерку, то ли хлев.

Там стоял жующий добрый вол
И другая разная скотина.
Ясли в центре, выщербленный пол —
Жалкая, убогая картина.

А Марии страшно всё равно,
Что бы ей Архангел ни сказал.
Без родных тоскливо, и давно.
Слава Богу, он ей силы дал.

Время шло – вдруг яркая звезда,
Крик младенца в тишине слились.
Мир воспрял от тягостного сна,
Искры света осветили высь.

Там, в яслях, младенец мирно спал,
Мать склонилась над своим сынком.
Света луч на лик случайно пал,
Богородица завесила платком.

Мир ликует, с ним и небеса.
Чьи шаги пока вдали тихи?
Это те, кто верит в чудеса —
Бедные, простые пастухи.

Колокольцев слышен дальний звон.
Трое на верблюдах, кто же вы? —
Мы к тому, кто новый даст закон.
Мы с дарами – мудрые волхвы.

2015 г.

Блудный сын (Маленькая поэма)

1

Как время медленно течёт.
Отцовский взгляд, упрёки брата...
Вот всё, чем жизнь моя богата, —
Дней серых тягостный черёд.

А молодая кровь бурлит.
Я получил наследства долю
И вырваться хочу на волю.
Да будет проклят этот быт!

От них уйду я навсегда
И стану жить в своё довольство,
Пусть это молодости свойство.
Как славно побегут года!

Сегодня ночью – о Творец! —
Мой брат заснёт, а с ним и слуги, —
Я к вам приду, мои подруги,
И полон будет мой ларец.

Да, к сладострастию стремлюсь,
Чтоб плавать в неге наслажденья.
Неугасимо вожделенье,
В нём утонуть я не боюсь.

2

И так живу я вдалеке.
Не нужен я чужим вовеки.
Зато остался без опеки
И голодаю «налегке».

За деньги не купить любовь.
Нет уж друзей, ушли подруги...
Твои я помню, отче, руки
И каюсь пред тобою вновь.

Мой опустел уже ларец.

Где радость, праздник, исступленье?
Всё было, а теперь – забвенье.
Как прав был мудрый мой отец!

Нет в сердце больше ничего,
Лишь покаянье и томленье.
Я жажду, жажду искупленья.
Как гнева, я боюсь его.

3

Ну вот, мне кажется – предел.
Я свинопас, мой дом – свинарник.
И голод – вечный мой напарник.
А всех презрение – удел.

Я у свиней краду еду,
А у отца все слуги сыты
И нищетою не забиты.
К нему в работники пойду...

Он мой уход мне не простил.
И, верно, от меня отрёкся,
Коли в семье урод завёлся.
Я сам себе уже не мил.

А брат мой – он же мой судья.
От слов его ознобом веет.
Он в правоте не оскудеет.
За ним – достоинство, семья.

4

Вот вижу снова отчий дом.
Отец идёт воздевши руки.
С ним домочадцы, его слуги.
Мне к горлу подступает ком.

«Отец, как был я глуп и слеп!
Уж не надеюсь на прощенье
И не прошу благословенья.
Дай заработать мне на хлеб...»

Но он прижал меня к груди.
Его одежду я целую

И руку, старчески сухую,
Ласкаю, говоря: «Прости!».

Он повелел лохмотья снять;
Мне обувь и одежду дали,
На палец перстень нанизали.
Не мог об этом я мечтать!

Для пира был забит телец.
«Мой сын восстал, ожил из мёртвых,
Цепочка дней прервалась чёрных», —
Так на пиру сказал отец.

5

Мой брат работал, не гулял,
А каждый день гнул спину в поле.
Он был отца послушен воле,
Меня же, верно, молча клял.

Он не пришёл на этот пир,
Не захотел «делить застолье».
Я заслужил его злословье,
Не поселился в сердце мир.

А ночью слышал разговор.
Брат говорил, меня ругая:
«Ему телёнка, а мне, знаю...
Мне ничего, я словно сор.

Я в поле каждый Божий день,
А он растратил всё наследство.
Его позор – к блудницам бегство —
На всю семью бросает тень».

Вот что ответил наш отец:
«Здесь всё твоё – поля и стадо.
Со мной возрадуйся, о чадо!
Ведь вы же братья, наконец!..»

А я молился и шептал,
Что благодарен. Добрый отче,
Насколько ты мудрей и зорче!
Как человек велик и мал!

2015 г.

Храм

Церковь Рождества Пресвятой

*Богородицы в Бутырской слободе,
постройка XVII века на территории
авиационного завода «Знамя».
Москва, ул. Большая Новодмитровская.
Храм на территории завода
Без окон, крестов и куполов.
Я вошёл, там не было народа.
Что увидел – хуже страшных снов.*

*Кое-где остались ещё фрески,
А по ним шли трубы, провода.
И, наверно, кто-то очень дерзкий
Забил костыль в святого, как тогда...*

*Осквернили церковь – знать, умели
«Красные безбожники», как встарь.
Туалет, презренные, посмели
Сделать там, где был вчера алтарь.*

*Только с костылём ещё проблемы —
Не совру, боюсь таких «прикрас».
Для кого-то не было дилеммы —
Он забил костыль святому в глаз.*

*Люди ещё будут там молиться,
Вот и я приду когда-нибудь,
Чтоб святому низко поклониться.
Его боль стучится в мою грудь.*

2015 г.

«Отец-ветеран не дожил до весны...»

Отец-ветеран не дожил до весны,
И он говорил мне всегда:
«Поверь, лишь бы не было больше войны,
А прочее всё – ерунда».

Мне мать повторяла: «Сынок, не беда —
Безденежье, драка за власть.
Лишь только бы нас миновала война
Да голод – вот это напасть».

Моё поколение не знало войны,
И голод ему не грозил.
Из нас здесь никто не признает вины —
«Телец» нам и дорог и мил.

Мы словно забыли о главном Судье,
Его суд всегда справедлив.
Он есть, он присутствует в каждой судьбе,
Мне жаль, для кого это миф.

2016 г.

Так бывает...

Так бывает на душе паскудно.
Даже водкой не залечишь рану.
День за днём так пусто и так нудно.
Только уходить, наверно, рано.

Что вы ждёте от меня – не знаю.
Сколько же в себе, увы, противно.
Даже волки образуют стаю,
Я один – и это так обидно.

Есть надежда, как у всех – на Бога.
Виноват я перед Ним во многом.
Где моя проходит путь-дорога?
Хватит сил жить в послушанье строгом?

2016 г.

Прошлое – далёкое и близкое

Прометей

Мрачные виды Кавказа...
Путь утомительно крут.
Это – начало рассказа:
Трое титана ведут.

Здесь Прометея оставят,
Будет один он, как перст.
Зевс непокорных карает,
Цепи наложит Гефест⁷.

Стержень вобьёт в грудь титана —

⁷ Гефест – бог огня и кузнечного дела, друг Прометея.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.